

Малтруда:

— Э-э...

Крastoпь:

— А...

Две инквизиторши, на которых давил колоссальный груз ответственности, одновременно подняли руки: одна потеряла правый висок, другая — левый.

У Крastoпи разболелась голова из-за чрезмерно «бездумно свободных» действий Весполаро Хаски: теперь ситуация вышла далеко за пределы ожидаемого, и у неё это вызвало рефлекторную головную боль. Потерев висок пару раз, она с изумлением заметила, что верховная инквизиторша делала ровно то же самое, и невольно задумалась:

«А метаморф... Он точно не пёсолюд?»

Если нет — почему поза, в которой у верховного инквизитора болит голова, казалась ей такой знакомой?

Малтруда, впрочем, не заметила, что Крastoпь тоже трёт висок. В отличие от критики Весполаро и столь же чрезмерно вольного метаморфа, она была больше склонна к внутреннему самокопанию: не потому ли подчинённые ведут себя так развязно, что у неё самой недостаточно внушительности?

«Похоже, кролелюды в этом плане всё-таки немного недотягивают... Вот бы мне быть столь же внушительной, как арх-инквизитор... Может, сходить к кровеплотяному целителю и вытатуировать на лице пару жутких шрамов?.. Но если кто-нибудь раскроет, что шрамы ненастоящие, разве не станет ещё хуже?»

Несмотря на то что Малтруда была одной из немногих служителей высокого ранга в Альманвиле, уверенность в себе ей всё ещё давалась нелегко. Она вздохнула, поднялась и тихо сказала Крastoпи:

— Думаю, нанимать мисс Кристабель консультантом всё-таки не слишком уместно. Крastoпь, сходи... Нет, я сама извинюсь, скажу, что по регламенту такое не...

Она уже собиралась выйти, но в этот момент в кабинет вошёл её секретарь.

Это был очень высокий, внушительный волколюд с серебристо-серыми ушами и хвостом. На его подбородке алел шрам — настоящий, без всяких сомнений.

Этот грозный волколюд с почтением склонился перед невысокой Малтрудой:

— Верховный инквизитор, из штаб-квартиры пришёл ответ.

— Что? Так быстро? — Малтруда удивилась.

Штаб-квартира Инквизиции всегда работала оперативно — таков был стиль арх-инквизитора Соломона, — но отчётов туда ежедневно поступало множество. В этот раз в Альманвиле не было жертв, и последствий тоже почти никаких, поэтому Малтруда полагала, что ответ получит не раньше полуночи.

«Неужели и это часть сегодняшнего везения? Или в штаб-квартире как раз выдался редкий незагруженный момент?»

С этими мыслями она приняла у секретаря распечатанный ответ.

Увидев первое же слово, она прищурилась: текст был написан не стандартным печатным шрифтом Инквизиции, а от руки.

Неровный почерк слабо светился, и даже после факсимильной печати в нём ощущалась сила света — такой лист можно было бы использовать как одноразовый оберег от нечисти.

Без сомнений: это написал лично арх-инквизитор Соломон.

Малтруда невольно задумалась, не допустила ли она серьёзную ошибку...

«Но крупнейший провал этого года, кажется, уже произошёл в Шпиневиле? До Нового года остаётся чуть больше трёх недель — неужели может случиться ещё что-то крупное?»

С замиранием сердца она начала читать.

Первая же строка заставила её нахмуриться.

«Если та гражданская, которая собственными глазами видела смерть Аромгеро Масимы, проявит в комнате очищения любые неблагоприятные реакции, характерные для осквернённых, — немедленно ликвидировать».

«...Что?»

За стеной метаморф и Кристабель беседовали в дружелюбном тоне, и Малтруда слышала каждое слово.

Совсем недавно она изучала досье этой женщины: возраст, школу, дом детства — тот находился совсем рядом с тем отделением, куда Малтруду распределили в начале её службы инквизитором.

Кристабель Померан была милой и красивой молодой женщиной, вынужденной нести ответственность за жизнь, появившуюся не по её воле, и всё же готовой эту ответственность принять, прилагая усилия и меняя себя.

Да, у неё имелись психические отклонения, но с учётом пережитого это вполне объяснимо.

«Немедленно ликвидировать».

Малтруда перечитала фразу, закрыла глаза, глубоко вдохнула — и, открыв их, оставила в себе лишь холодное пламя.

С ещё более отстранённым и осторожным вниманием она продолжила слушать разговор метаморфа с Кристабель и читать дальнейшие указания арх-инквизитора.

«Если при очищении неблагоприятных реакций не возникнет, включить данную гражданскую в список объектов наблюдения информационного подразделения альманвильской Инквизиции.

Срок наблюдения — бессрочный, до моего отдельного приказа.

При выявлении любых признаков осквернения — также немедленно ликвидировать.

— Соломон Лайн»

Крastoпь, стоявшая позади, не понимала, почему у верховной инквизиторши изменилась аура.

Она молчала. Через некоторое время Малтруда вдруг спросила:

— Крastoпь, сейчас мисс Кристабель живёт у инквизитора Весполаро Хаски?

— ...Да. Да, — ответила Крastoпь с недоумением.

— Её психические отклонения обладают определённой агрессивностью, но она также бесспорно является жертвой культа. В этот раз она очень помогла нам, и, учитывая, что она не желает примирения с родителями, считаю возможным обеспечить ей определённую форму опеки, — официальным тоном произнесла Малтруда.

— Вы имеете в виду...

— Позови, пожалуйста, Весполаро Хаски ко мне в кабинет позже, — сказала Малтруда.

— Есть, поняла, — тут же ответила Крastoпъ, хотя в голове у неё уже роились догадки.

Высокая и поджарая антилополюдка и внушительный волколюд последовали за низенькой кролелюдкой в соседнюю комнату очищения.

Метаморф не знала, что произошло ранее, и, увидев их, широко улыбнулась:

— Верховный инквизитор, я как раз хотела сказать: по-моему, мисс Кристабель — настоящий талант. Для нашего информационного подразделения она просто незаменима. Я бы хотела пригласить её консультантом; конечно, не как штатного сотрудника, но по условиям...

— С условиями всё решаемо, — с энтузиазмом ответила Малтруда.

— ? — метаморф, ожидавшая выговора, наклонила голову.

— ? — Крastoпъ, совсем недавно слышавшая обратное, тоже наклонила голову.

Лишь волколюд-секретарь сохранял строгость. Он стоял в стороне — очевидно, зная о резкой реакции Кристабель на мужчин, — и его жёлтые, похожие на пёсьи, но всё же иные глаза внимательно следили за ней.

Кристабель скользнула по нему взглядом.

В её восприятии в головах Крastoпи и метаморфа клубился светло-фиолетовый цвет — растерянность. У Малтруды и волколюда же сгущался насыщенный синий с серыми краями — холодное спокойствие и настороженность.

Внешняя приветливость Малтруды не совпадала с её истинными эмоциями.

Но пока не было чёрной жажды убийства — значит, Кристабель находилась в безопасности.

— Как насчёт оплаты по недельной ставке внештатного клерка? Двадцать юаней оклада плюс консультационные выплаты по проектам. Прецеденты уже были, — всё так же тепло говорила Малтруда. — Кроме того, вы помогли устранить ритуалиста, поклонявшегося тёмному богу. Мы подадим заявку на премию.

— А... — внезапно выдохнула Кристабель.

Она услышала, как её господь тихо вздохнул.

«Он наблюдает за мной? Как долго?»

Кристабель тут же начала прокручивать в голове, не сделала ли она чего-то не так, но сейчас важнее всего было ответить верховному инквизитору.

— Простите, такая высокая недельная оплата... — её покрасневшее от жары лицо стало ещё краснее. Она опустила взгляд и лишь спустя мгновение подняла его. — Большое спасибо, что готовы нанять меня. Я, возможно, мало чем могу помочь, но, если что-нибудь понадобится — пожалуйста, говорите.

— Напротив, я считаю, что вы можете быть очень полезны, как и в этот раз, — сказала Малтруда.

Произнося это, она внимательно наблюдала за выражением лица пёсолюдки, проверяя, знает ли та о неизвестном помощнике.

— Я ничего особенного не сделала. Культист заслужил смерть, — искренне ответила Кристабель. — И вообще, это Весполаро помогла мне и спасла меня.

Спустя пару секунд она спохватилась:

— Ах да, ещё спасибо капитану Кростопи и всем в Инквизиции... и священникам Матери Первозданной Крови тоже...

Малтруда не заметила ничего подозрительного.

Хотя обучение в театральной труппе длилось недолго, актёрское мастерство Кристабель уже было несравнимо с тем, что она показывала на собеседовании.

— Я понимаю, — улыбнулась Малтруда. — Не нужно благодарностей. Мы рады, что вы в безопасности. Отдыхайте. Малышка Нефрит сейчас в соседней комнате очищения, за ней присматривает кровеплотяной целитель. Нужно лишь понаблюдать вас здесь двадцать четыре часа, и завтра вечером вы воссоединитесь.

«Двадцать четыре часа».

Маг света, которая после прихода верховной инквизиторши притворилась незаметной, взглянула на регистрационный лист.

По изначальному плану Кристабель Померан должна была находиться в комнате очищения лишь двенадцать часов.

— Хорошо, — кивнула Кристабель.

На её лице снова расцвела та же мягкая улыбка, что и несколькими часами ранее. Хотя ребёнка не было рядом, казалось, будто она уже держит его на руках.

Часть души Малтруды дрогнула.

Но та часть, что принадлежала верховному инквизитору, оказалась куда твёрже.

Осторожно попрощавшись и повернувшись к выходу вместе с остальными, Малтруда не заметила, что за её спиной в глазах Кристабель исчез крошечный силуэт.

Линь пронаблюдал, как Кристабель сама всё уладила, и вернулся в божественное царство.

В руках он держал лист бумаги — копию, извлечённую из увиденного Малтрудой.

Прочитав указания арх-инквизитора, Линь тихо присвистнул и передал лист Моисею.

— Вполне в духе того льва, которого я помню, — холодно прокомментировал Моисей. — Похоже, штаб-квартира Инквизиции совершенно не поверила в выявленную причину смерти Аромгеро Масимы и сразу привязала подозрения к Кристабель — а через неё и к тебе.

Он взмахнул рукой, и лист исчез.

— Ваше высочество, что вы думаете?

— А... — взгляд Линя был расфокусирован. — Когда заговорили о премии, я вспомнил: за Аромгеро Масиму ведь назначена награда — тысяча сто. А ей её не получить...

— Это сейчас главное?! — Моисей едва не споткнулся.

— Это тысяча сто! — возразил Линь, прижимая руку к груди. — Сердце болит.

Разумеется, он понимал, о чём хотел поговорить Моисей, и, собравшись, добавил:

— Вообще, и Инквизиция, и Шесть Божественных Столпов занимаются делами, которые требуют усилий, но не приносят благодарности.

— Не приносят благодарности? — Моисей не понял.

— Я раньше об этом думал. Когда у тёмного бога немного служителей, уничтожение всех их, возможно, снижает степень осквернения... Может, даже даёт шанс вернуться на правильный путь. Всё обнуляется, а в следующий раз, создавая служителей, он, возможно, сумеет удержать скверну.

Линь подпёр лицо руками и спокойно продолжил:

— Но такой бог будет ненавидеть. Если это тёмный бог, сохраняющий человечность и желающий снизить скверну, то для него создание служителей — это вложение сил и чувств. Даже если он спасётся, он будет безмерно ненавидеть Инквизицию и Шесть Божественных Столпов.

Моисей замер.

Он не задумывался об этом.

— Если так... — он погрузился в воспоминания. — Я слышал один древний слух.

— Слух? — Линь поднял голову.

— Близнецы Диссонанса однажды лично уничтожил всех служителей и верующих Матери Первозданной Крови.

<http://bllate.org/book/12612/1325119>